

на солнечной стороне

ДИНА
РУБИНА

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ»:**

Вавилонский район
безразмерного города

При чем тут девочка?

Единственный голос

Бонжорно, команданте!

Я вас лублу!

Липовая жена

Яша, ты этого хотел?

Эх, шарабан, мой,
шарабан...

**ДИНА
РУБИНА**

Эх, шарабан мой,
шарабан...

Москва
2022

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

В оформлении переплета использованы иллюстрации:

© NesaCera, grynold, Kittibowornphatnon,
Anna Selina / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рубина, Дина.

Р82 Эх, шарабан мой, шарабан... / Дина Рубина. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-155009-7

Ее называли Маша-шарабан, по известной кабацкой песне, которую лучше нее никто не исполнял: «Ах, шарабан мой, эх, шарабан мой, не будет денег, тебя продам я...» Действительно, из тех ловушек, что расставляет нам судьба, можно вывернуться, выкрутиться. Продав ли шаль, сережки, шарабан («Медальон») или... отказавшись от любви, призвания, жизни («Туман»). Но обыграть судьбу невозможно. Ровно через семь лет счастливого супружества, как и предсказывала гадалка, погибает Миша («Заклятье»), всю оставшуюся жизнь вынужден мучиться непоправимостью ошибки Давид («Бессонница»). Но судьба переменчива. Отбирая одно – дает другое. Не важно, что ты этого не просил. Судьба не Дед Мороз, чтобы исполнять желания! Зачем-то ниспосланное ею тебе нужно («Высокая вода венецианцев»). Оглянись и подумай!

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155009-7

© Рубина Д., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

РАССКАЗЫ

СОБАКА

Он прощался всегда намеренно небрежно и не позволял ей провожать себя. Считал — не стоит привлекать внимание судьбы к этим прощаниям, чтобы, чего доброго, той не пришло в голову поставить под одним из прощаний свой беспощадный росчерк.

Судьбы он боялся и никогда не строил планы дальше, чем на завтрашний день, — боялся, что судьба обозлится на него за легкомысленную самоуверенность. Может, это было единственным, чего он боялся в жизни...

А в этот раз даже не смог забежать к Ирине перед поездкой — с матерью случился очередной сердечный приступ, и после вызова «Скорой» он просидел весь вечер дома — неловко было оставлять мать одну.

Ирина ждала его, конечно, волновалась, надо было позвонить, и он долго приготавливался к этому звонку — выкурил две сигареты, написал ответ на деловое письмо, которое валялось уже месяц на холодильнике, посмотрел по телевизору мультфильм. И оттого, что звонить надо

ДИНА РУБИНА

было непременно, и оттого, что он знал заранее ее слова и интонацию, с которой эти слова будут произнесены, в нем возникло и завибрировало раздражение, как частенько случалось в последний год, — зудящее раздражение на мать, на Ирину — на этих двух женщин, делающих жизнь его непереносимой.

Набирая номер и глядя исподлобья на экран телевизора, где копошилось на стволе диковинного растения какое-то диковинное сумчатое, он подумал: ее можно понять, она, конечно, устала...

— Ира! — бодренько начал он. — Тут такое дело, понимаешь. Я никак не смогу сегодня. У мамы приступ был, «Скорая» только уехала... Ну, ты сама понимаешь...

— Понимаю, — спокойно сказала Ирина. Но он-то знал подкладочку этого спокойствия. Да, подумал он, конечно, устала за эти годы. И я устал. Но что же делать, что же делать...

— Ну, до завтра обойдется, я надеюсь, — продолжал он. — А утром Андрей заедет за мной.

— Ага... — рассеянно, как ему показалось, ответила Ирина. И это его насторожило.

— ...За мамой здесь тетя Люба присмотрит. А я дней через пять — назад... Может, и раньше... Посмотрим, как там сложится.

— Ясненько, — ровно проговорила она, и он понял, что весь этот тон, разумеется, — протест.

— Ирина! — крикнул он. — Ну, что такое?!

СОБАКА

— Езжай, ради бога, — сказала она сломавшимся, как перед плачем, голосом и повесила трубку.

Он схватил пачку сигарет и пошел на балкон — покурить.

Мать спросила вслед:

— Мадам в претензии?

— Оставь меня в покое! — огрызнулся он.

— Бедняжка! Никак не может дожидаться моей смерти! — Когда речь шла об Ирине, мать всегда переходила на патетический тон, у нее это хорошо получалось, она всю жизнь вела драмкружок во Дворце пионеров.

Он стоял, облокотившись на перила, и смотрел, как внизу, во дворе, Славик моет новые «Жигули». Он так любовно протирал тряпочкой помидорно-красную крышу машины, что хотелось, как в школьном детстве, стряхнуть на эту идеально лаковую гладь пепел от сигареты.

Мать, лежа на диване, продолжала что-то говорить. Он вздохнул, придавил окурочку к перилам и толкнул в комнату балконную дверь.

— ...и пересидит, переждет, конечно... И захапает тебя! — торжествующе закончила мать.

Монолог был неизменный, с незначительными вариациями.

— Лежи, пожалуйста, спокойно, — миролюбиво сказал он. — Тебе нельзя волноваться. — Но не выдержал, процедил сквозь зубы: — И не трогай Ирину, сколько можно просить тебя!

ДИНА РУБИНА

За Бричмуллой они свернули на узкую пыльную дорогу и долго еще петляли по ней, поднимаясь все выше. Андрей остановил «Ниву» на небольшой поляне.

— Ну вот, — сказал он. — Доползли... Как тебе здесь — глядится?

Внизу горбились горушки, окрашенные в охру, от темной до золотистой, с желтыми и зелеными пролысынами, над горами вздымались красновато-бурые скалы. Над всем этим дыбилось жаркое пустое небо.

— Что, нормально... — сказал он и выбрался из машины.

Поляна, на которой они остановились, заросла травой и кустарником. Повсюду торчали огромные фиолетово-чернильные шапки чертополоха, узорчатые желтые шапочки бессмертника.

Он огляделся вокруг и, закрыв глаза, глубоко вдохнул воздух, напоенный хрупкими тянущимися запахами.

— Лимонник... шалфей... — узнавал он. — Что еще? Мята... душица...

Чуть поодаль сбились в хилую рощицу дикие яблони. Над рощицей в скалу уперлась огромная арча, выгнутая саксофоном.

— Смотри, саксофон, — кивнул он Андрею.

— Ага, я по нему ориентировался... — ответил тот, доставая из машины сложенную палатку

СОБАКА

и тугие бокастые рюкзаки. — У нас тут дневка была в прошлом году, когда без тебя ходили...

Андрей возился с палаткой, искал в машине запропастившиеся кольца, чертыхался, а он стоял и молча оглядывал такое огромное и все-таки тесное пространство, загроможденное скалами.

Со студенческих лет они сплавлились на камаранах по горным рекам, ходили с ребятами в походы по два-три раза в году — казалось бы, и привыкнуть можно, — но каждый раз он вновь тихо изумлялся этим громадам и задыхался, жадно глотая этот воздух.

— Виктор, поддержи! — позвал Андрей.

Он встрепенулся и пошел помогать другу ставить палатку.

Давно уже он признался себе, что завидует Андрею. Тому, как сдержанно и спокойно властвует Андрей в своей жизни. Тому, как преданно заглядывают в глаза ему Вера и мальчишки. Да и в деле своем — не с наскоку, а верно и основательно забирался Андрей все выше — недавно его назначили главным инженером крупного завода. А одногодки, между прочим, одногодки... Что там говорить! — Андрей был человеком удачи. И сильнее всего Виктор завидовал его семейной жизни. Как-то сумел Андрей вылепить себе половину, не сломав женщину, не повредив ее достоинство. Здесь даже не скажешь — повезло. Нет, сам сделал, сам — Верка была в институте

ДИНА РУБИНА

безалаберной и дурашливой девчонкой. И не полезешь ведь в душу, не спросишь — что и как.

Взять нынешнюю вылазку: решили без женщин идти — Вера спокойно, молча сложила мужу рюкзак; если бы в последний момент Андрей велел ей собираться — собралась бы за десять минут так же спокойно и споро. Не было в их союзе междоусобиц из-за какого-то дурацкого самолюбия. Самолюбие растворялось в любви и безоговорочном доверии друг к другу.

А у Ирины ее самолюбие — бастион, не подступишься.

«Да... — подумал он, забивая камнем кол в мягкую землю. — Да, все дело в безоговорочном доверии... Как же они договорились об этом? С самого начала? Или вовсе ни о чем не договаривались?»

— Сильнее натягивай, — привычно командовал Андрей. Он умел погружаться целиком в дело. Худощавый, жилистый, с всклокоченной шевелюрой — сейчас он был поглощен устройством жилья.

Палатка была двухместная, отраднo-желтенькая — хорошая палатка, польская, купили в складчину для таких вот вылазок вдвоем.

— Перекусим, да? — спросил Андрей, стягивая майку и энергично вытирая ею потные грудь и спину. — Посмотри, что там Верка в рюкзак натолкала.

СОБАКА

— Ого, чего тут только нет! — удивился Виктор, доставая из рюкзака пакеты. — Это что? Курица? Яйца. Огурцы. Сало... Чего-то непонятное в бумаге.

— А, это ценная вещь, — заметил Андрей, заглянув в рюкзак через его плечо. — Пирог с капустой. Вершина творчества. Ты пошарь, там и грибочки в банке должны быть.

— Эх, черт, и куда я смотрел в институте! — воскликнул Виктор. Обычная шутливая реплика, дежурный застольный комплимент талантам Верки. Андрей на эту реплику неизменно промалчивал. Произошел с ними непонятный такой случай лет пять назад.

...Весной, набрав отгулы, решили вчетвером пройти по Чаткалу на катамаране. Андрей — командиром, как всегда. Дима и Сурен шли второй раз всего, а речка сердитая была, с характером. Порогов этих, водоворотов, камней! Да, гордая речка, горная, ее оседлать непросто.

Помнится, на второй день похода у него лопнул ремешок от шлема, но до сих пор не вспомнить — почему Андрей-то без шлема оказался. Спасательные жилеты были, верно, да только от них мало толку на этих горных речках. Течение бешеное — пошвыряет башкой о камни, и никакой жилет не спасет.

Андрея вышибло из катамарана неожиданно, стволom сухого дерева, низко наклоненного с берега над водой. Виктор сидел вторым, за Ан-

ДИНА РУБИНА

дреем, и когда того выбило в воду, вдруг увидел, что Андрей-то без шлема, и бросился за рыжей шевелюрой, крутящейся в водоворотах между камней. Прыгнул, не вспомнив о собственной незащищенной голове. Андрей плавать не мог, вот в чем было дело. И по сей день не научился плавать, урбанист чертов.

Здорово побило их обоих, пошвыряло вдоволь, наглотались; но Андрея — полуживого, он — полуживой, все-таки выволок.

Ребят — Диму и Сурена — отнесло дальше, они растерялись, неопытные.

Андрей просил Вере о приключении не говорить. Но уже в городе, когда ждали автобуса, Дима позвонил из автомата жене и случайно проболтался. Та, конечно, немедленно позвонила Верке: мол, встречай своих героев покалеченных...

Инвентарь — скатанные катамараны, палатки, весла — хранился всегда у Андрея в кладовке, после походов первым делом вваливались к нему, это уже традицией стало. Так что свидетелями сцены в прихожей были все.

Позвонили. Верка за эти полчаса, видно, успела наплакаться — открыла дверь зареванная, с набрякшими веками, и, когда увидела его перевязанную руку, вдруг завывла и бросилась, да не к мужу, а к Виктору — обняла за шею, прижалась, больно налегая на поврежденную руку. Он растерялся и даже испугался, когда поверх ее

СОБАКА

припавшей головы увидел незнакомое, какое-то гипсовое лицо Андрея.

— Вера, я — вот он, — хрипло, спокойно сказал Андрей...

Сурен вырчил — засмеялся; воскликнул с кавказским акцентом:

— Правильно, женщина! В ноги кланяйся! — Сурен редко пускал в ход этот акцент, но всегда кстати. — Он тебе кормильца спас, отца твоих детей!..

...Месяца три после этого странного случая он не появлялся у Андрея, и тот не приглашал. Потом чей-то день рождения подкатил, нельзя было не встретиться — и сгладилось, выровнялось... Но изредка он вспоминал лицо Андрея, каким было оно в тот миг — бескровным, смертельно-спокойным, — и осторожная мысль пробежала: а может, Андрей не так уж и счастлив, как представляется?

...— Слушай, это какая-то дивная курица, — заметил он, обгладывая смуглое крылышко. — Это не курица, а райская птица.

— Да, Верка ее с майонезом делает, с орехами...

— Сациви называется, кацо...

— Нет, это по-другому, в духовке, кажется. А тебе не все равно? Ешь, — Андрей выломал куриную, перламутровую от майонеза, ногу